

УДК 903.2

А.В. Гордиенко

МОЛЧАНОВСКО-АНДРЮШИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Анализируются материалы раскопок городища Пламя Сибири-6. Памятник находится в нижнем течении р. Туры в окрестностях г. Тюмени. На основании изучения и интерпретации его материалов рассматривается культурогенез молчановско-андрюшинской культуры VI–IX вв. лесного Зауралья. На наш взгляд, культурогенез молчановско-андрюшинской культуры протекал в VI–VII вв. и представляет собой интеграцию зеленогорских, бакальских, кашинских, петрогромских и ломоватовско-неволинских культурных традиций.

Ключевые слова: лесное Зауралье, городище Пламя Сибири-6, эпоха раннего средневековья, молчановско-андрюшинская культура, культурогенез.

Эпоха средневековья является одним из наименее изученных периодов древней истории лесного Зауралья. Впервые систематизация и периодизация археологических памятников рек Туры и Тавды осуществлены В.Д. Викторовой, которая выделила здесь «памятники молчановского типа», существовавшие в VI–IX вв. [1. С. 13–14]. Через несколько десятилетий В.А. Могильников дал подробную характеристику «памятников молчановского типа», датировав их VII–IX вв. [2. С. 165–167], а затем рассмотрел их как «молчановскую культуру VII–IX вв.» [3. С. 13–14]. Через несколько лет В.Д. Викторова и В.М. Морозов в обобщающей статье по Среднему Зауралью в эпоху железа дают этнокультурную характеристику «молчановского типа» второй половины I тыс. н.э. [4. С. 184–185]. В то же время М.Ф. Косарев, анализируя археологические культуры Западно-Сибирской равнины, отметил, что наименование «молчановский тип памятников» вносит терминологическую путаницу в связи с ранее выделенной им же молчановской культурой рубежа бронзового и железного веков в Среднем (Томско-Нарымском) Приобье [5. С. 174–175]. В связи с этим М.Ф. Косарев предложил называть молчановские памятники р. Туры и нижнего течения р. Тавды «андрюшинской группой памятников», относя их к «культурным цельностям» (по терминологии М.Ф. Косарева), сложившимся в Западной Сибири к VI в. [Там же]. В последние годы возобновились раскопки средневековых памятников лесного Зауралья, в результате которых исследователями предложено «отказаться от понятия «молчановский тип» памятников и рассматривать относимые ранее к нему материалы в рамках единой юдинской культуры», «относя ее к VII–XIV вв. н.э.» [6. С. 148, 150]. Однако, по нашему мнению, данный вывод является недостаточно аргументированным и противоречит итогам наших

исследований. В 2009–2012 гг. автором осуществлены раскопки трёх городищ (Пламя Сибири-6, Пламя Сибири-7 и Антоново-1), расположенных на оз. Антоново (30 км к В от г. Тюмени, старица р. Туры). По датирующим находкам и особенностям керамических комплексов период функционирования городища Пламя Сибири-6 и Антоново-1 определен VI–VII вв., Пламя Сибири-7 – VII–IX вв. Городища являются последовательно существовавшими памятниками, материалы которых дают представление о культуре VI–IX вв.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем две рабочих гипотезы. Во-первых, в VI–IX вв. в лесном Зауралье существовала самостоятельная культура, что доказано исследователями [3. С. 13–14]. Во-вторых, предлагаем именовать её молчановско-андрюшинская. Такое название, на наш взгляд, учитывает традиционное наименование рассматриваемых материалов (молчановские), а добавление «андрюшинские» позволит не путать их с молчановской культурой рубежа бронзового и железного веков в Среднем (Томско-Нарымском) Приобье.

По нашему мнению, формирование молчановско-андрюшинской культуры происходит в VI–VII вв. и прослеживается на материалах городища Пламя Сибири-6, которые анализируются в данной работе.

Памятник находится на высокой (2,5–3 м) обрывистой мысовидной террасе южного берега оз. Антоново, в окрестностях г. Тюмени. Городище состоит из укрепленной площадки (вал высотой 3–4,5 м, ширина 2–5 м, ров глубиной 1–2 м, ширина 2–4 м), на которой фиксируются 22 жилищные западины, площадь 4 032 кв. м; с юго-восточной стороны памятника расположено селище из 9 западин; с восточной стороны к городищу примыкает гривообразный останец каплевидной формы, также оконтуренный рвом. Памятник открыт в 2005 г. В.В. Корниец [7. С. 62–65].

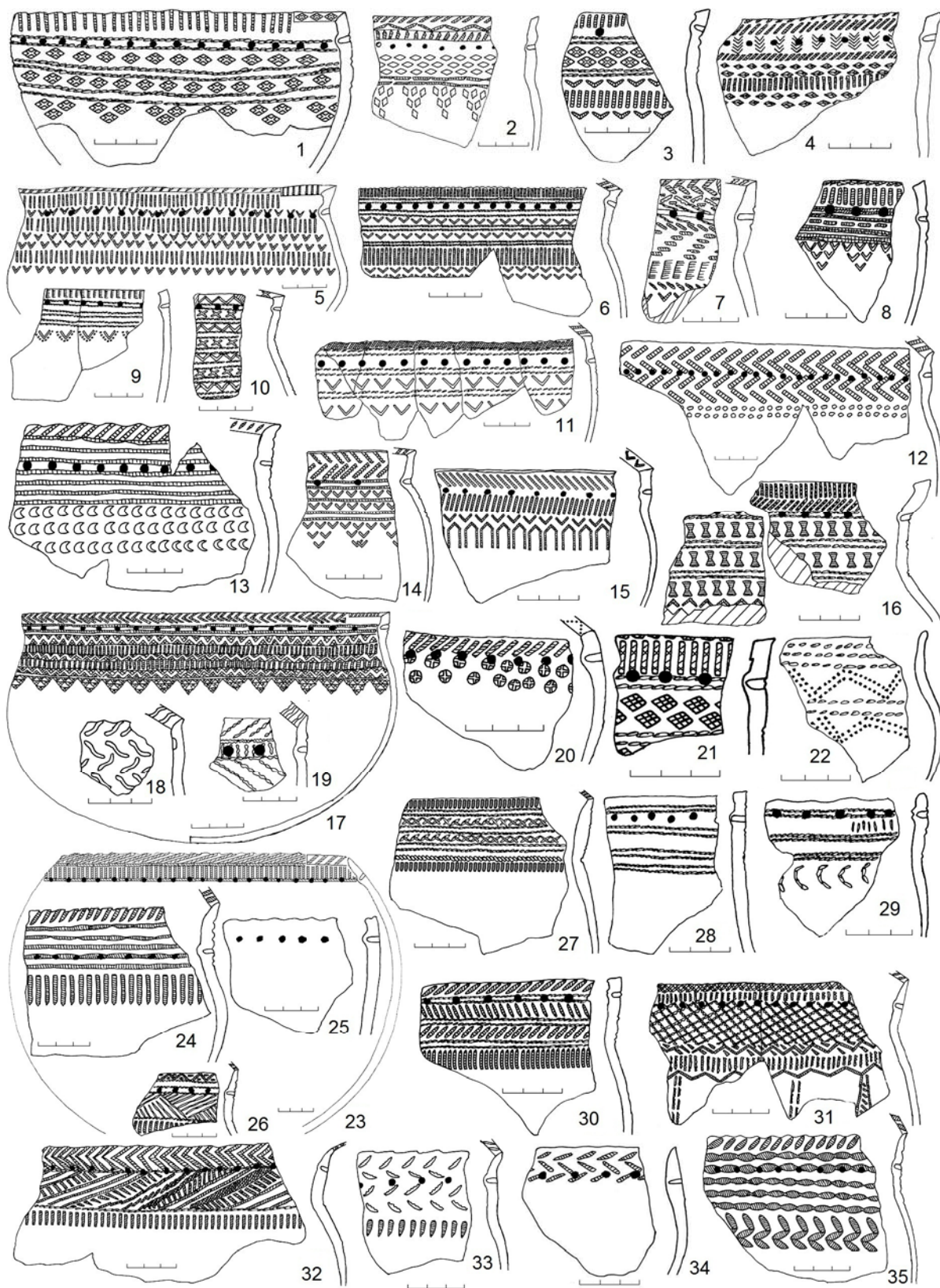

Рис. 1

Раскоп площадью 120 кв. м был заложен в восточной части городища. В результате полностью исследованы две жилищные постройки и связанная с ними часть оборонительной конструкции, примыкающая к внутренней восточной стороне вала. Жилища подквадратной формы, полуземляночного типа, площадью 25–30 кв. м, с очагом в центре, соединены небольшими переходами, стены снаружи подсыпаны материковой и/или очажной супесью.

Коллекция из раскопок 2011 г. насчитывает более 9500 находок, из которых 223 – индивидуальные (рис. 1,2). Выделено 580 сосудов, по виду орнамента пять групп керамики. Первую группу составляют сосуды, сочетающие в своем декоре гребенчатые, фигурно-штамповые и шнуровые оттиски (38%). Вторая группа включает сосуды, украшенные исключительно гребенчатым штампом (33%). В третью группу объединена посуда с гребенчато-шнуровым орнаментом (24%). Небольшая часть сосудов имеет только пояс ямок (4%), шесть сосудов орнаментированы только оттисками шнура.

В вещевом материале изделия из кости составляют почти половину коллекции (46%). Нужно отметить обнаруженные скопления кости копытного и запястного суставов лошади (определения П.А. Колмогорова) со следами использования и обработки, которые имеют форму антропоморфных фигур в сидячей позе (63 экз.). Из кости также изготавливали наконечники стрел (30 экз.), ножи (3 экз.), клинья (5 экз.), проколки (2 экз.), пуговицы (?) (2 экз.), скребок и остроконечник, фрагменты неопределимых предметов со следами обработки (9 экз.). Предметы из железа представлены ножами (12 экз.) и наконечником стрелы. Широкое применение находили керамические скребки (33 экз.), рюмковидные тигли представлены фрагментами, как и изделия неопределимого назначения (20 экз.). Из камня представлены точила (15 экз.), наконечник (?), экземпляры без следов обработки (11 экз.). В быту использовалась облицовка, скорее всего, органических предметов тонкими бронзовыми пластинками (12 экз.), например обкладка днища деревянного (?) сосуда. Интересно отметить несколько находок свёртков обгоревшей бересты. Украшения делали из бронзы и серебра (?), а также, возможно, к ним относятся два кусочка красной и желтой смолы (?). Датированные находки: бронзовая серьга (VI–VII вв.), бронзовый перстень (VI–VII вв.), бронзовое литое кольцо (VI–IX вв.), бронзовая полая трубчатая проница с вздутиями (VI–IX вв.), круглопроволочная несомкнутая серебряная (?) серьга в 1,5 оборота (VI–VII вв.).

Таким образом, считаем возможным определить время функционирования городища Пламя Сибири-6 периодом VI–VII вв.

На основании изучения материалов городища Пламя Сибири-6 прослеживается сложная картина межкультурного взаимодействия в VI–VII вв. в лесном Зауралье. На наш взгляд, культурогенез молчановско-андрюшинской культуры представляет собой интеграцию зеленогорских, бакальских, кашинских, петрогромских и ломоватовско-неволинских культурных традиций. Этот процесс нашел отражение в массовом материале – керамике, а также прослеживается по некоторым категориям индивидуальных находок. Подчеркнем, что орнаментация молчановско-андрюшинской керамики синтезировала предшествующие орнаментальные традиции, они представлены на ней в трансформированном, переработанном виде и ни в коем случае не являются механическим соединением различных черт или смешением керамики перечисленных культур. В результате складывается качественно новый тип керамики, характерный для молчановско-андрюшинской культуры.

Ведущим культурным компонентом и катализатором культурогенетических процессов, на наш взгляд, выступало зеленогорское население, инфильтрация которого начинается с VI в.

Характерной чертой зеленогорской культуры является употребление керамической посуды с фигурно-штамповым декором, в котором преобладают оттиски в виде уголка, что является признаком посуды зеленогорского этапа VI–VII вв. [8. С. 134; 9. С. 107; 10. С. 115].

Зеленогорские традиции оказывают решающее воздействие на облик молчановско-андрюшинской керамики. Влияние прослеживается на уровне элементов орнамента, которые приобрели строгую зональность, а также на вид орнаментации, которая стала тщательной и «миниатюрной». Упорядоченность орнамента достигалась в том числе и при помощи горизонтального ямочно-жемчужного пояса, который присутствует на 98% керамики. Для декора почти всех вышеотмеченных культур этот элемент не характерен. Становление и утверждение этой черты прослеживается по неровным очертаниям ямок, которые образуют неровные ряды, их замазыванию и сглаживанию, квадратной форме.

В керамическом комплексе городища Пламя Сибири-6, на наш взгляд, к зеленогорской керамике относится посуда, орнаментированная оттисками в виде уголка, ромба, уголка и ромба, другими фигурными штампами (кроме ямочного) в сочетании с гребенкой, без шнура. В вещевом материале

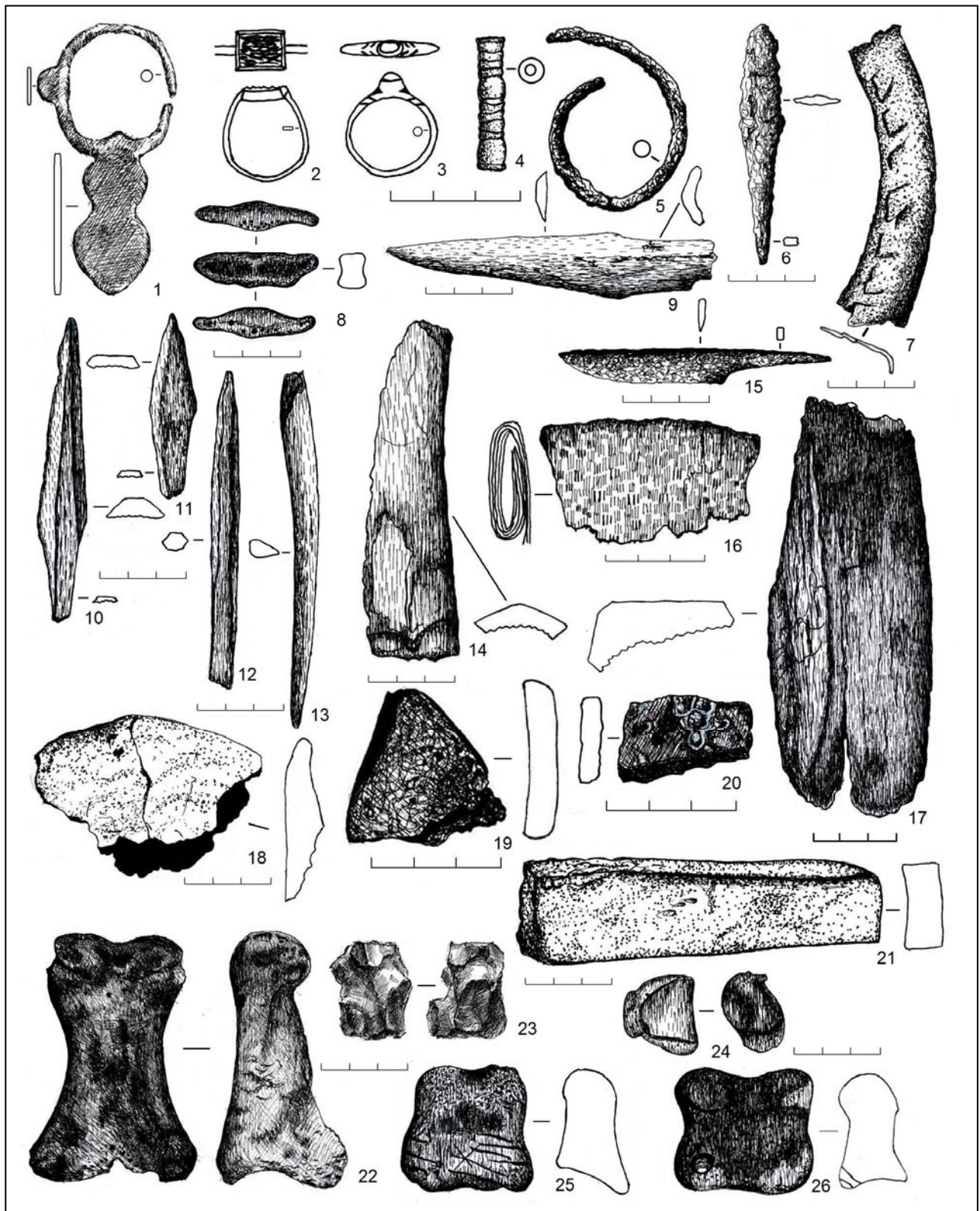

Рис. 2

зеленогорское влияние, по нашему мнению, отразилось в большом количестве (почти половине) изделий из кости, так как развитое косторезное производство традиционно связывается с севером Западной Сибири.

Культурные традиции бакальской, кашинской, петрогромской, ломоватовской и неволинской культур в керамическом комплексе выделить сложнее, так как в начале второй половины I тыс. н.э. их посуда прослеживает взаимопереплетение черт, которые трудно идентифицировать с определенной общностью, поэтому их культурная принадлежность определяется ниже в гипотетической форме.

Так, шнуро-гребенчатая орнаментация к началу второй половины I тыс. н.э. представлена во всех перечисленных культурах и по вопросу её происхождения у исследователей нет единого мнения [4. С. 180–183]. В данном случае мы лишь можем констатировать факт взаимодействия носителей шнуро-гребенчатой орнаментации с фигурно-штампово-гребенчатой. При этом на городище Пламя Сибири-6 соотношение керамики со шнуровыми оттисками и без таковых составляет 42% к 58%, т.е. преобладает посуда с фигурно-штампово-гребенчатым декором без шнура.

Для бакальской культуры считается характерной полоса крестов и сеток, выполненных насечкой, на молчановско-андрюшинской керамике кресты и сетка представлены примерно на 1% посуды, но исключительно в гребенчатом исполнении. Возможно, что бакальский мотив креста и сетки оказал воздействие на фигурные штампы, в числе которых присутствует крест и преобладают ромб, треугольник и круг с крестом или сеткой внутри, на одном сосуде гребенка с насечками в виде крестов. Также к бакальской культуре могут восходить отпечатки палочки торцом (ямочная орнаментация бакальской керамики), несколько сосудов с оттисками гладкой палочки вертикально, а также часть горизонтальной многорядной ёлочкой (но уже в гребенчатом варианте). Возможно, с бакальскими традициями связано изготовление посуды шаровидных форм, а также употребление в быту каменных точил (15 экз.) (ср. [19. С. 6–41]).

Кашинская культура к началу второй половины I тыс. н.э. завершает свое развитие, но некоторые её традиции, по нашему мнению, продолжают своё развитие в молчановско-андрюшинской культуре. К кашинской традиции могут восходить сосуды, в декоре которых присутствует выделенная полоса орнамента, которая в гребенчатом исполнении практически полностью повторяет «в ми-

ниатюре» кашинский орнамент и возможно, отпечатки шнура полукольцом. Также от нее могло быть унаследовано широкое использование керамических скребков (33 экз.) (ср. [20. С. 82–91; 21. С. 49–56]).

Практически полностью идентичными петрогромской культуре по орнаменту являются несколько сосудов, шейка которых полностью покрыта шнуровыми отпечатками, между которыми проходит полоса крестов. Возможно, из петрогромской орнаментации появились лестничное и ступенчатое расположение гребенки (как его развитие – полоса взаимопроникающих треугольников) (ср. [4. С. 187, рис. 6]). Традиционно с горно-лесными областями связывают присутствие в керамическом комплексе сосудов со слюдой, в связи с этим можно отметить пять инокультурно выглядящих «слюдяных» сосудов.

Контакты с ломоватовской и неволинской культурами подтверждаются наличием импортных прикамских украшений – бронзовое кольцо и перстень, серьги из бронзы и серебра (?), трубчатая полая пронижь со вздутиями, бронзовые монетовидные подвески, бусина (гор. Пламя Сибири-7). Однако в результате торгово-обменных отношений подобные предметы проникали на огромные расстояния, и их наличие может не являться показателем прямых контактов. В данном случае ситуация иная. Исследованные памятники находятся на старичном русле р. Туры, которая входит в систему «южного» торгового пути [22. С. 72]. Поэтому через население этих памятников могли осуществляться контакты Приуралья и Зауралья, что является одним из объяснений присутствия и существования здесь представителей различных культурных традиций. Определенное сходство с ломоватовской и особенно неволинской посудой прослеживают сосуды, украшенные многорядной горизонтальной ёлочкой, иногда выполненной характерной прикамской «колосковидной» гребенкой с характерным плавно-округлым утолщением венчика и ямочками, зачастую овальными, не образующими жемчужин с обратной стороны или оставляющими слабые выпуклости. Также к ломоватовско-неволинским традициям можно отнести андрюшинские сосуды с отогнутым венчиком и ребром посередине тулова (ср. [12. С. 94–95. Табл. LXV–LXVII; 13. С. 88–90. Табл. LIII–LXI]).

Отмеченные особенности керамического комплекса дают представление о генезисе молчановско-андрюшинской культуры, они не отделимы друг от друга и в своем синтезе сформировали определенный тип керамики. Вещевой комплекс также отличается своеобразием и в совокупности

они дают представление об молчановско-андрюшинской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Викторова В.Д.* Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации материала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
2. *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР: в 20 т. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
3. *Могильников В.А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / ИА АН СССР. М., 1990. 48 с.
4. *Викторова В.Д., Морозов В.М.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 173–192.
5. *Косарев М.Ф.* Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. Вып. 4. М.: Центр прикладной этнографии, Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 273 с.
6. *Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н.* Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. №1. С. 140–151.
7. *Корниец В.В.* Отчет о НИР: Разведочное археологическое обследование центральной части Туро-Пышминского междуречья в Тюменском районе Тюменской области в 2005 г. Тюмень, 2006. 86 с.
8. *Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1991. Вып. 20. С. 126–145.
9. *Морозов В.М.* К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 102–109.
10. *Зыков А.П.* Средневековые таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарные доклады II Северного археологического конгресса. 24 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 109–124.
11. *Сташенков Д.А.* Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): матер. II Междунар. археол. конф. / Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 1998. С. 213–231.
12. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1985. 280 с.
13. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.
14. *Генинг В.Ф., Зданович С.Я.* Лихачёвский могильник на р. Ишим – памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. Челябинск, 1987. С. 119–133.
15. *Ковалевская В.Б.* Башкирия и евразийские степи в IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 95–117.
16. *Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д.* Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье: сб. статей. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 3–66.
17. *Карачаров К.Г.* Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 110–118.
18. *Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): научно-исторические очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 7–65.
19. *Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.* Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: матер. науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 6–41.
20. *Чикунова И.Ю.* Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // ВААЭ. 2005. Вып. 6. С. 82–91.
21. *Чикунова И.Ю., Скочина С.Н.* Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // ВААЭ. 2009. Вып. 10. С. 49–56.
22. *Могильников В.А.* Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. С. 57–105.